

Меньковский, В. И. Дискуссии о методологии изучения советской истории в англо-американской историографии 1970–1980-х гг. / В. И. Меньковский // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2007. — С. 161–167.

В. И. Меньковский

ДИСКУССИИ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1970—1980-х гг.

Споры о соотношении методологии обществоведения и советологии были характерной чертой и англо-американского академического мира. В 1973 г. краткий обзор методологических различий двух подходов — изучения региона или использования общих принципов социальных наук — был дан в статье Д. Каутского «Сравнительное изучение коммунизма против сравнительной политики»¹. Сторонники первого подхода считали, что уникальность страны или региона требует использования прежде всего «культурного» подхода к изучению. Например, С. Соломон в отрецензированной ею сборнике «Плюрализм в Советском Союзе» видела опасность в неадекватном применении системы ценностей. Она писала, что существует опасность попасть в ловушку использования американских или западноевропейских ценностей как главной линии оценки советской реальности и призвала не увлекаться сравнением, сконцентрировавшись на уникальности советской политики².

Основные источники ошибок и непонимания были связаны с тремя факторами: объектом исследования, самим исследователем и процессом или методом исследования. Можно согласиться с А. Даллиным в том, что в англо-американской советологии, несмотря на ее общий высокий уровень, недостатки обнаруживаются на всех названных уровнях³. Но, рассматривая факторы, связанные с оценкой англо-американских ученых как исследователей советских проблем, необходимо отметить, что специалисты-советологи по своим профессиональным качествам и интеллектуальному уровню не уступали специалистам в любой другой гуманитарной или обществоведческой дисциплине англо-американского академического сообщества. Конечно, ошибок и недостатков в российских и советских исследованиях было

достаточно, но нет оснований думать, что промахи в советологии были большими, чем в изучении других регионов. Обратившись к работам ведущих специалистов-обществоведов и гуманитариев, мы обнаружим значительное количество опровергнутых гипотез и предположений.

Р. Шарлет аргументировал, что коммунистические системы были закрытыми обществами со сложно различаемым процессом принятия политических решений, юридически неопределенными структурами, функциями и правилами. Это создавало условия, при которых многие ведущие концепции западной политической науки не могли быть применимы для изучения таких политических систем, так как их значение искажалось при описании соответствующих аспектов коммунистических режимов⁴. На подобную опасность обращал внимание и Дж. Хоуф, отмечавший, что в сравнительном анализе психологически трудно отказаться от влияния собственной системы ценностей и нет ничего более легкого, чем применять определения и стандарты, которые сделают результаты подходящими для удовлетворяющих исследователя критериев⁵.

Одной из причин осторожного отношения к применению моделей в советологии являлся разделяемый частью исследователей антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных отличий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что советология, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой⁶. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем советологии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук. Например, представляется чрезвычайно важным внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его.

Р. Дэниелс, как и А. Мейер, считал историю в большей степени искусством, чем наукой. Но это искусство, которое дисциплинируется фактами. А использование моделей, конечно, не является «смирительной рубашкой» для каждого исторического феномена, дает возможность проводить сравнительный анализ исторических явлений и событий. Это, по мнению Р. Дэниелса, относилось и к тоталитарной модели, предлагающей определенные стандарты для оценки политических систем. Он считал, что концепция тоталитаризма не представляет собой непреодолимую противоположность социальной истории, поскольку политическая и социальная история не противостоят, а дополняют и корректируют друг друга ⁷.

Реальное положение дел в советологии было таким, что каждый ученый должен был сначала разъяснить (хотя многие и не делали этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже лучшие англоязычные энциклопедии по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Невозможно отрицать и тот факт, что советология, как и другие социальные науки, всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени» ⁸.

Вторая группа исследователей настаивала, что главным является не «чувство» страны, а умение перенести ее изучение в рамки выработанных схем, образцов и законов. Так, А. Мейер сожалел, что слишком долго коммунистический мир анализировался вне рамок сравнительного изучения, в условиях применения концепций и моделей, зарезервированных только для него самого. С точки зрения автора, одной из важнейших причин, помешавших англо-американским исследователям анализировать коммунистическое общество через систему координат широко используемых концепций и теорий, был климат холодной войны. Он предлагал для интегрирования изучения советского общества в социальную науку «просто избавиться от духа холодной войны» ⁹.

Эксперты в области советской внутренней политики крайне редко прибегали к сравнению советской политической системы с нетоталитарными государствами Запада и третьего мира. Даже если такие попытки предпринимались, они чаще концентрировались на результатах политики, а не на институтах, ее проводящих и вырабатывающих. Р. Канет обращал на это внимание еще в середине 1970-х гг., но подобная ситуация сохранялась в течение длительного периода времени ¹⁰. Причины заключались в чрезмерном подчеркивании в советологических исследованиях двух составляющих советской системы: тоталитарного режима и государственной коммунистической идеологии. Существовало, ранее отмеченное нами, согласие между

«левыми» и консервативными исследователями в отношении уникальности СССР. Конечно, многие черты советской системы не позволяли говорить об идентичности коммунистических и западных государств. Но это не означало, что остальные составляющие систем также были несопоставимы. Советский опыт можно было рассматривать не только при изучении такого феномена, как «коммунизм».

Точку зрения, что Советский Союз был уникальным явлением и, следовательно, нормальные методы и техника социального исследования для него не подходят, мы встречаем и в постсоветскую эпоху. Аргумент, который можно противопоставить такой позиции, заключается в том, что в определенном смысле все явления уникальны, однако это не означает, что научное обобщение невозможно. В работе «Конструирование социального исследования» справедливо отмечается, что даже самое всестороннее описание, сделанное лучшими специалистами, с детальным пониманием контекста будет резким упрощением и сужением обозреваемой реальности. Ни одно описание, каким бы полным оно ни было, и ни одно объяснение, независимо

от количества привлеченных фактов, не может всесторонне передать многообразие мира. Поэтому систематическое упрощение является решающим шагом на пути к полезному знанию¹¹.

В господствовавшей долгое время тоталитарной модели, со всеми плюсами и минусами ее классического варианта, сравнение делалось только с нацистской Германией и термин «тоталитарный» подразумевал полную непохожесть на государства Запада. В научном смысле отношения СССР и западных государств рассматривались как отношения противоположностей, различных абсолютно во всех составляющих. Советский Союз рассматривался даже не как крайность в едином сообществе, а скорее как изолированная система. Такой взгляд делал невозможным осознание того, что «советский вариант» является только одним проявлением ширококомасштабной проблемы, общего вопроса об отношениях общества и государства. Конечно, любое сравнение является упрощением, и обобщение всегда стирает детали. Но, используя сравнительный анализ, ученые могли обратить внимание на события, выходящие за пределы одной системы и оказывающие влияние на многие страны. В конечном итоге сравнение СССР с западными государствами было действительно политическим актом, позволяющим понять, что в советском и западном опыте есть общие черты, возникающие из насильственной функции государства.

В 1960-е гг. англо-американские ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Замет-

ный след в истории советологии оставил сборник статей «Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории», изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.¹² Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование «сравнительного коммунизма» как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англо-американской историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах «восточного блока» и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении концепций и теорий западного обществоведения в советологии.

На англо-американскую советологию влияло и изменение международного климата, особенно состояние советско-американских отношений, во многом формировавшее подходы к интерпретации советской ситуации. Для 1950—1960-х гг., времени чрезвычайной враждебности двух сверхдержав, была характерна концентрация внимания на негуманных и нефункциональных сторонах советской системы. Период разрядки, сотрудничества Востока и Запада сделал советские исследования более открытыми для применения разнообразных интерпретаций и сравнения с другими странами. В советологии стал использоваться широкий спектр методологических подходов — от кремленологии до количественного анализа. Но новая ситуация породила и свои крайности. Многие концепции легко переносились из обществоведения в советологию, Советский Союз стал рассматриваться как слишком похожий на западные государства, а многие исследователи стремились больше говорить о позитивных и функциональных характеристиках советской системы¹³.

Многие англо-американские ученые в 1970-е гг. приветствовали применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал «концептуальной эластичностью»¹⁴. При этом он подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают, прежде всего, их общность.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе,

но и обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Бунсе и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод принесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных недостатков тоталитарной теории, но одновременно критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима¹⁵.

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, центром и периферией, этнической политики, институтов советской системы и роли элиты в политике¹⁶. Во все большей степени исследователи признавали необходимость применения теоретических разработок. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Изучение советского общества в эти годы становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза «советская политика» была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англо-американская советология обогатилась новыми темами исследований, применяемыми методами и сделанными выводами. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

¹ Kautsky J. *Comparative Communism Versus Comparative Politics* // *Studies in Comparative Communism*. 1973. Vol. 6.

² *Pluralism in the Soviet Union*. London, 1983. P. 27—28.

³ Dallin A. *Bias and Blunders in American Studies on the USSR* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 563.

⁴ *Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, 1969. P. 211.

⁵ Hough J. *The Soviet Union and Social Science Theory*. Cambridge, 1977. P. 223.

⁶ Meyer A. *Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe* // *Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners?* Bloomington, 1975. P. 108.

⁷ Daniels R. *Thought and Action under Soviet Totalitarianism: A Reply to George Enteen and Lewis Siegelbaum* // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. July. P. 341—350.

⁸ Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М., 1991. С. 14.

⁹ *Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, 1969. P. 198.

¹⁰ Kanet R. *Is Comparison Useful or Possible?* // *Studies in Comparative Communism*. 1975. VIII (1/2). P. 20—25.

¹¹ King G., Keohane R., Verba S. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton, 1994. P. 219.

¹² *Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, 1969.

¹³ Интересно отметить, что в годы после Второй мировой войны существовала определенная закономерность: финансовые ресурсы, предоставляемые для проведения советологических исследований, увеличивались при ухудшении советско-американских отношений и сокращались при улучшении отношений во время разрядки. См.: *Major Research Centers, Institutes and Programs in Soviet, Russian, and East European Studies* // *Handbook of political science research on the USSR and Eastern Europe: trends from the 1950s to the 1990s*. Westport, 1992. P. 318.

¹⁴ Sartori G. *Concept Misinformation in Comparative Politics* // *American Political Science Review*. 1970. 64(4). P. 1033—1053.

¹⁵ Bunce V., Echols J. *From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution* // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44—46.

¹⁶ Bialer S. *Stalin's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union*. Cambridge, England, 1980; *The State in Socialist Society*. Albany, New York, 1984; Motyl A. *Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity and Stability in the USSR*. Ithaca, 1987.